

УДК-327.5

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-4-112-121

ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЛОГИКЕ СПИРАЛИ КОНФЛИКТА: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ЭСКАЛАЦИИ

М. И. Рыхтик, Н. К. Панько

Рыхтик Михаил Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

директор Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ),

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: Rykhtik_mi@pfur.ru (ORCID: 0000-0003-2325-1235).

Панько Никита Клавдиевич, аспирант факультета гуманитарных и социальных наук,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Email: nik.panko.1999@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4108-8446).

Аннотация

Тайваньская проблема остается ключевым фактором дестабилизации в Восточной Азии. Усиление КНР сопровождается последовательной реализацией плана Коммунистической партии Китая (КПК) по великому возрождению китайской нации. В 2022 году в Пекине была опубликована правительственныйная Белая книга, отразившая основные запросы эпохи. В ней уделяется особое внимание тезису Си Цзиньпина о том, что великое возрождение китайской нации не может быть завершено без воссоединения с Тайванем. В данном контексте большую тревогу у Пекина вызывает отход администрации Тайбэя от политики «одного Китая». С 2016 года Демократическая прогрессивная партия активно проводит политику по декитаизации и наращивает связи с США. Динамика в Индо-Тихоокеанском регионе также демонстрирует, что статус-кво, достигнутый США, КНР и Республикой Китая в 1980-х годах постепенно теряет свою актуальность. В ответ КНР активизирует политические, экономические и военные инструменты, что создает устойчивую конфигурацию взаимных действий и противодействий, укладывающихся в логику спирали конфликта. Цель исследования – определить, как взаимодействие внутренних и внешних факторов формирует спираль конфликта, которая актуализирует тайваньскую проблему. В ходе работы были применены методы количественного анализа и сравнительного исследования. Результаты исследования показывают, что корень напряженности в тайваньском проливе заключается в сложном переплетении внутренних и внешних факторов, трансформаций на острове и влияния извне.

Ключевые слова: КНР; Тайвань; Китайская Республика; США; Си Цзиньпин; Дональд Трамп; однополярный мир; многополярный мир; китайская мечта; безопасность.

Введение

В последние десятилетия мы стали свидетелями не просто деградации однополярного миро-порядка, но и возвращения реализма как доминирующей парадигмы международных отношений. Мир шагнул в новую эпоху турбулентности, где столкновение амбиций крупных держав, таких как США и КНР, может привести к утрате глобальной стабильности.

Тайваньская проблема, возникшая 75 лет назад, остается серьезным вызовом для всей Восточной Азии. Тайвань не просто территориальный вопрос, а символ геополитического противостояния, проходящего между США и КНР в экономической, военной, и прежде всего в идеологической плоскости. Тайваньские исследования стали вновь популярными в связи с ростом напряженности в регионе, переориентацией внешней политики КНР, провокационными действиями США, а также постепенным отходом тайваньской администрации от статус-кво.

Цель работы – определить, каким образом внутренние и внешние факторы формируют спираль конфликта вокруг Тайваня.

Решая эту задачу, мы проанализировали политические процессы на Тайване, сопоставив внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие кризиса в Тайваньском проливе.

Настоящее исследование опирается на концепцию спирали конфликта, согласно которой действия одной стороны, воспринимаемые другой как угроза, вызывают ответные меры, усиливающие напряженность. Рассматриваются внутренние факторы (рост тайваньской идентичности, политика Демократической прогрессивной партии (ДПП) по декитайзации) и внешние факторы (закупка Тайванем американского вооружения, визиты высокопоставленных представителей США на Тайвань, рост военных учений США и КНР в регионе), которые в совокупности усиливают региональную напряженность и создают условия для поступательной эскалации.

В работе используются методы сравнительного анализа, примененные к динамике изменения общественного мнения на острове и военной активности в Тайваньском проливе. Данные методы способствуют лучшему пониманию логики действий. Особое место в работе занимает количественный анализ данных, полученных из открытых источников: статистика Национального университета Чэнчи, отражающая динамику самоидентификации тайваньского населения, отчеты SIPRI о поставках вооружений и аналитика CSIS, демонстрирующая интенсивность военной активности КНР вблизи острова. Авторы используют системно-структурный подход, обеспечивающий целостное видение исследуемого явления.

В отечественной литературе проблема Тайваня преимущественно рассматривается в рамках китайских исследований. Такой подход обусловлен не только политической установкой, согласно которой Тайвань является неотъемлемой частью КНР, но и относительно недавним развитием тайваньских исследований в качестве самостоятельного направления в российском востоковедении. К числу исследователей, занимающихся тайваньской проблематикой, можно отнести отечественных востоковедов: А.Д. Дикарева, А.А. Лукина, А.С. Каимову, Я.В. Лексютину, В.Б. Кашина, И.А. Цветкова, А.А. Кирееву. Зарубежную литературу представляют такие авторитетные исследователи, как Л. Роувен, Д.Д. Миршаймер, Д. Фелл, Ш. Риггер, Ж.П. Кадестан и др.

Авторы в своих исследованиях сосредоточены на изучении динамики международных отношений в Восточной Азии, роли Китая и США. Их работы затрагивают внешнеполитическую стратегию КНР, американо-китайское соперничество, роль тайваньской идентичности и особый политический путь Китайской Республики.

Одним из ключевых аспектов тайваньского вопроса является эволюция национальной идентичности жителей острова. Согласно данным Тайваньского фонда общественного мнения, в декабре 2024 года 63,4 % жителей Тайваня идентифицировали себя исключительно как тайваньцы, а не китайцы¹.

Российский востоковед А.С. Каимова в своей работе «Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности» отмечает, что сформированная идентичность становится фактором, напрямую влияющим на китайско-тайваньские отношения (Каимова, Денисов, 2022: 118). В этом же ключе А.Д. Дикарев и А.А. Лукин подчеркивают, что под термином «Тайвань» часто обозначают разные понятия, суть которых определяется политической идеологией говорящего (Дикарев, Лукин, 2021: 119). Пекин воспринимает рост идей независимости, поддерживаемых так называемым поколением 天然独 (тяньжаньду; буквально «природная независимость» (поколение, рожденное после 1980-х годов, идентифицирующее себя исключительно тайваньцами) как угрозу принципу «одного Китая» (Liu, 2024: 211–214). Это еще раз свидетельствует о том, что Тайвань становится ареной символического противостояния между двумя нарративами. С одной стороны, китайский нарратив о «неотъемлемой части» единого Китая, с другой – утверждающееся на Тайване представление о собственной уникальной идентичности, все менее связанной с материковым Китаем.

Наряду с внутренними изменениями, Тайвань становится ареной стратегического соперничества между США и КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. С точки зрения реалистической теории международных отношений Тайвань представляет собой точку пересечения интересов двух гегемонов: Пекин рассматривает остров как неотъемлемую часть своей территории, тогда как Вашингтон использует его в качестве инструмента сдерживания Пекина.

¹ Election Study Center, National Chengchi University. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (Accessed: 23 April 2025).

Отечественные исследователи, такие как В.Б. Кашин, Я.В. Лексютина и И.А. Цветков, рассматривают тайваньскую проблему как элемент соперничества Пекина и Вашингтона (Лексютина, 2022: 77; Цветков, 2021), подчеркивают растущую милитаризацию региона и акцентируют внимание на том, что как Пекин, так и Тайвань с США затягиваются в спираль эскалации (Кашин, 2022: 118).

Ключевой теорией к пониманию динамики в тайваньском проливе является «спираль конфликта». Теория исходит из концепции дилеммы безопасности Джона Герца, но была дополнена Робертом Джервисом в работе «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». Ключевая идея спирали заключается в том, что меры одной державы, направленные на повышение собственной безопасности, воспринимаются другой как угроза. Эта тенденция запускает цикл ответных действий, что формирует своеобразную воронку эскалации. В современном осмыслении этой концепции различают два подхода: «спиральную модель» Джервиса, предполагающую, что оборонительные действия могут вызвать эскалацию, и теорию устрашения, исходящую из того, что угроза применения силы способна сдержать противника от агрессивных действий. Различие заключается в том, что сторонники устрашения опасаются, что агрессоры недооценивают решимость защитников, в то время как теоретики спирали полагают, что каждая сторона переоценивает враждебность другой (Понамарева, 2023: 343).

В Тайваньском проливе обе модели проявляются одновременно. США, Тайвань и Китай участвуют в спирали конфликта: стороны наращивают военное присутствие в Восточной Азии и Юго-Восточной Азии с помощью создания союзов вроде АУКУС, строительства китайских баз, возведения фортификационных сооружений на Тайване и его участия в укреплении собственной обороны. Эти действия воспринимаются каждой стороной как угроза. Для КНР вмешательство США в тайваньский вопрос рассматривается как нарушение суверенитета, так как КНР считает тайваньскую проблему внутренним делом. США опасаются расширения влияния Китая и потери стратегического контроля в регионе. В то же время присутствуют и элементы теории устрашения, которые активно используются Тайванем и США для поддержания статус-кво. Эта теория легла в основу американской политики «стратегической неопределенности», предполагающей сдерживание Китая от силового присоединения Тайваня и недопущения провозглашения Тайванем независимости. Цель такой стратегии – заставить Пекин сомневаться в успехе силового сценария, а тайваньцев – в надежности гарантий безопасности, в случае если конфликт начнется по их вине.

Сочетание спиральной динамики и стратегии устрашения создает сложную ситуацию: попытки демонстрации решимости могут, с одной стороны, сдержать конфликт, с другой стороны, чрезмерное нагнетание обстановки может запустить неконтролируемую эскалацию.

Обострение в Тайваньском проливе связано с двумя взаимозависимыми факторами: ухудшением китайско-американских отношений и укреплением про-независимой риторики на острове.

Внутренние факторы тайваньского вопроса и их роль в спирали конфликта

В 1992 году в ходе переговоров между Китайской Республикой (КР) и Китайской Народной Республикой (КНР) было достигнуто соглашение, позже получившее название «консенсус 1992 года». Согласно ему, обе стороны признают неделимость одного Китая, однако по-разному его трактуют. КНР считает Тайвань своей провинцией, а КПК – единственным легитимным правительством, представляющим весь Китай. КР также признает существование только одного Китая, но под Китаем предполагает не КНР, а Китайскую Республику, основанную в 1912 году.

После прихода к власти Цай Инвэнь в 2016 году диалог с Пекином, хорошо выстроенный администрацией Ма Инцзю (2008–2014), сократился, а отношения по обе стороны Тайваньского пролива существенно ухудшились. Достигнутый в 1990-х годах консенсус не раз подвергался критике со стороны Тайбэя. Так, в 2019 году Цай Инвэнь заявила, что «Тайвань никогда не признавал консенсус 1992 года» и что «Китай должен признать реальность существования Китайской Республики (Тайвань)². В 2024 году Тайваньский совет по делам материкового Китая (СМК) заявил, что в ходе переговоров в 1992 году не было достигнуто никакого консенсуса³.

² Tsai Ing-wen. President Tsai issues statement on the 1992 Consensus and cross-strait relations (2016), *Office of the President, Republic of China (Taiwan)*. Available at: <https://english.president.gov.tw/News/5621> (Accessed: 27 May 2025).

³ 人民日报海外版. 统一是历史大势 (Объединение – это историческая тенденция) [online]. Available at: https://paper.people.com.cn/rmrhwb/html/2022-04/26/content_25914879.htm (Accessed: 27 May 2025).

Китайское научное сообщество встревожено тем, что власти ДПП с 2016 года активно пропагандируют курс фактической независимости Тайваня с помощью отрицания исторического факта принадлежности Тайваня Китаю, действительности таких юридических документов, как Каирская и Потсдамские декларации, а также «консенсуса 1992». Политика ДПП отразилась и на школьном образовании. Согласно новой учебной программе Министерства образования КР, количество классических китайских текстов в учебниках было сокращено почти на 50 %⁴. В школьных учебниках истории намеренно замалчивается китайское прошлое, и, наоборот, акцентируется внимание на периоде японской оккупации, который теперь называется «периодом японского правления» (Сяо Чжэнънань, Шэн Сяомин, 2020). Такими методами администрация ДПП закладывает ценности, ориентированные на развитие тайваньской идентичности и ориентацию на независимость.

На фоне трансформации внутриполитического дискурса на Тайване особенно интересны данные, собранные Институтом Чжэнчи, который с 1992 года регулярно проводит социологические исследования по ряду вопросов, включая самоидентификацию тайваньцев и их отношение к статусу острова. Накопленные за почти 30 лет данные представляют большую научную ценность, так как демонстрируют не только определенную последовательность развития политической самоидентификации, но и позволяют вывести причинно-следственные связи, поскольку рост самоидентификации проходит не в вакууме, а под влиянием внутриполитических и внешнеполитических событий.

Рис. 1 наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию роста числа людей, считающих себя исключительно тайваньцами. С 1992 по 2024 год количество людей, считающих себя исключительно тайваньцами, выросло с 17,6 до 63,4 %. В то же время можно увидеть одновременное снижение числа тех, кто воспринимает себя как китайцев – с 10,5 до 3,2 %, а также носителей двойной идентичности – с 46,4 до 31 %. Важно подчеркнуть два ключевых временных отрезка: 1996–1997 и 2018–2020 годы.

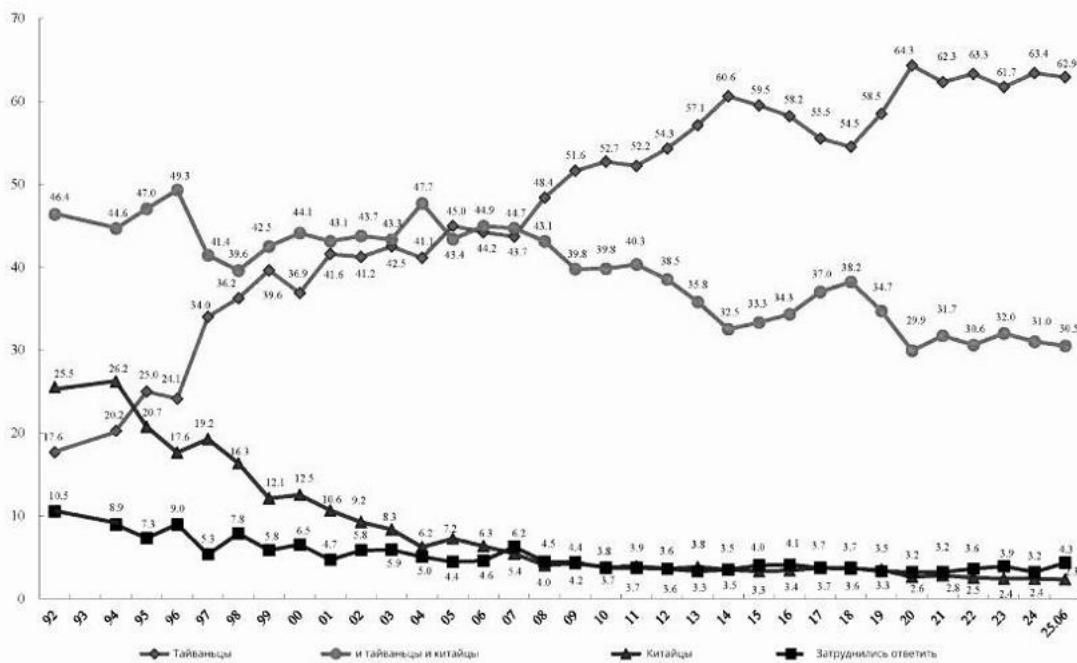

Рис. 1. Соотношение количества населения, идентифицирующих себя как тайваньцы, и граждан, считающих себя китайцами / тайваньцами, и китайцами⁵

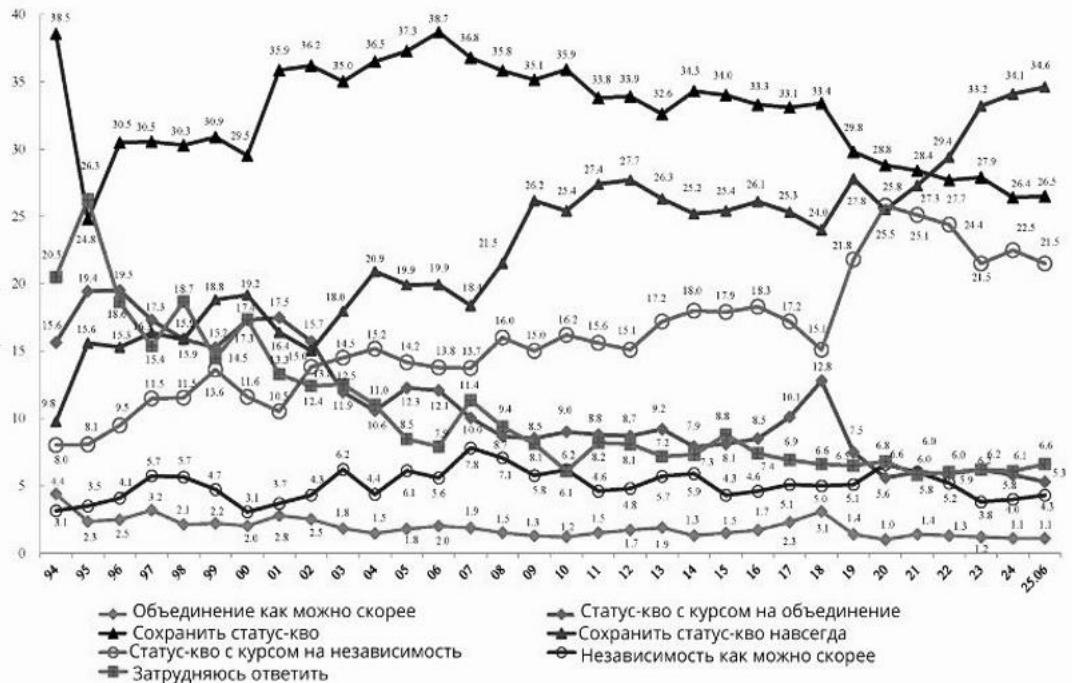
Первый совпадает с проведением прямых выборов президента в 1996 году, в ходе которых на второй срок был избран Ли Дэнхуэй, а также военными учениями со стороны КНР, вылившимися в т.н. третий кризис в Тайваньском проливе.

Второй отрезок совпадает с подавлением протестов в Гонконге и началом президентской кампании в 2020 году, усилившей консолидацию общества на фоне внешнеполитических событий (протесты в Гонконге и ужесточение политики Пекина в отношении Тайваня из-за переизбрания Цай Инвэнь).

⁴ Wu, Adrienne (2024) ‘The Debate over “De-Sinicizing” School Curricula in Taiwan: Partisan Politics or a Reclamation of Heritage?’ [online], *Global Taiwan Brief*, 9, 2. Available at: <https://globaltaiwan.org/2024/01/the-debate-over-de-sinicizing-school-curricula-in-taiwan-partisan-politics-or-a-reclamation-of-heritage/> (Accessed: 29 May 2025).

⁵ Election Study Center, National Chengchi University. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese (1992–2024) [online]. Available at: <https://esc.nccu.edu.tw/PageDoc/Detail?fid=7804&id=6960> (Accessed: 23 April 2025).

Для более комплексного понимания внутриполитического дискурса необходимо проанализировать статистику общественного мнения относительно статуса острова (рис. 2).

принудить Тайбэй принять «консенсус 1992 года», на базе которого уже возможно будет строить дальнейший диалог (Ломанов, 2022: 166).

Тем не менее, несмотря на политику «кнута и пряника», разработанную при Дэн Сяопине, стратегия КПК в отношении Тайваня не смогла добиться фактических результатов «мирного воссоединения». На этом фоне произошла заметная трансформация политического курса КПК в отношении Тайваня (Кулешова, Чжан, 2022: 19–20). Бывший заместитель министра обороны Китайской Республики Линь Чуньпинь описал политическую логику Пекина в отношении Тайбэя как «жесткое становится жестче, мягкое становится мягкче»⁸, подразумевая то, что КНР проводит мягкую политику, чтобы зародить энтузиазм у тайваньцев к объединению, но, когда Пекин сталкивается с неудачами «мягкой» силы, делает упор на жесткие меры. К ним относится демонстрация решимости применить военную силу, дипломатическую изоляцию и экономические санкции⁹. Все эти меры входят в политику «饭独促统» (фаньдуцутун) – противодействие сепаратизму и содействие национальному воссоединению.

Таким образом, Китай демонстрирует, что любая попытка Тайваня двигаться в сторону независимости (во внутренней или внешней политической сфере) воспринимается как сепаратизм и угроза национальной безопасности. С точки зрения Пекина тайваньский вопрос – исключительно внутреннее дело Китая, и вмешательство в него третьих сил – сепаратистов из ДПП или США запускают спираль конфликта, заставляя Китай вводить санкции и демонстрировать более решительные действия. Однако существуют иные подходы, более популярные на Тайване и в США. Жесткая реакция Пекина лишь усиливает стремление Тайбэя к укреплению собственной обороны. Как подчеркивала Цай Инвэнь, «чтобы был мир, Тайвань должен быть способен защитить себя»¹⁰. Это стремление воспринимается КПК как угроза ее миссии по «великому возрождению» – исторической и идеологической задачи, от которой зависит легитимность партии. Такая идеологическая установка ставит тайваньский вопрос в ряд экзистенциальных задач, от решения которых зависит будущее КПК и КНР (Schubert, 2024: 449–451).

Внешние факторы тайваньского вопроса и их роль в спирали конфликта

Некоторые специалисты США и военные, включая Уильяма Бернса, Пита Хегсета, Райана Хасса и Эли Ратнер, считают, что, наряду с мерами «мягкой» силой, Китай активно готовится и к силовому сценарию. Данная дискуссия стала актуальной после того, как бывший адмирал США и командующий Индо-Тихоокеанским флотом Джон Аквилино заявил, что Китай в 2027 году предпримет попытку военного вторжения¹¹. Об этом говорил и Уильям Бернс, директор ЦРУ, подчеркнув, что американская разведка располагает данными, подтверждающими, что Си Цзиньпин дал указания НОАК к 2027 году быть готовой к военной операции по установлению контроля над Тайванем¹².

Министр обороны США Пит Хегсет в своем выступлении, прошедшем в Сингапуре, заявил: «Пекин всерьез готовится к применению военной силы для изменения баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе». Пит Хегсет, обращаясь к союзникам США в регионе, также отметил, что «наша цель – предотвратить войну, сделать ее цену слишком высокой с помощью надежного щита сдерживания»¹³. Под «сдерживанием» подразумевается наращивание военного присутствия в реги-

⁸ Wang Pingyu: The Harder, the Harder; The Softer, the Softer (2005) [online], *Liberty Times*, 30 June. Available at: <https://news.ltn.com.tw/news/politics/paper/11168> (Accessed: 15 August 2025).

⁹ China bans 35 Taiwanese food exporters in warning ahead of Pelosi visit (2022) [online], *Reuters*, 2 August. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-bans-35-taiwanese-food-exporters-warning-ahead-pelosi-visit-2022-08-02/> (Accessed: 15 August 2025).

¹⁰ Tsai Ing-wen renews her pledge to strengthen Taiwan's self-defense during her visit to war memorial (2023) [online], *AP News*, 23 August. Available at: <https://apnews.com/article/taiwan-tsai-ingwen-kinmen-battle-china-7141bcfe55dada487372251eb6b9645> (Accessed: 18 August 2025).

¹¹ Aquilino, J. (2024) Statement before the House Armed Services Committee [online]. Available at: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/116960/witnesses/HHRG-118-AS00-Wstate-AquilinoJ-20240320.pdf> (Accessed: 02 June 2025).

¹² Gazis, O. V. (2023) CIA Director William Burns: "I wouldn't underestimate" Xi's ambitions for Taiwan [online], *CBS News*, 3 February. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/cia-director-william-burns-i-wouldnt-underestimate-xis-ambitions-for-taiwan/> (Accessed: 02 June 2025).

¹³ Hegseth, P. Remarks by Secretary of Defense Pete Hegseth at the 2025 Shangri-La Dialogue in Singapore [online]. Available at: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/4202494/remarks-by-secretary-of-defense-pete-hegseth-at-the-2025-shangri-la-dialogue-in/> (Accessed: 31 May 2025).

оне, проведение военных учений, укрепление альянсов с Японией, Южной Кореей, Австралией и Филиппинами, а также дипломатическое давление на КНР¹⁴.

Стоит отметить, что, вопреки заявлению американских властей, на данный момент нет никаких прямых подтверждений готовящейся операции со стороны КНР, однако действительно наблюдается некоторая милитаризация региона как со стороны КНР, так и со стороны США (Кашин, 2023). Особенность этого проявляется в росте числа военных учений вблизи Тайваня (Кашин, Тимофеев, 2021). Ниже будет приведена статистика военной активности КНР в Тайваньском проливе с 2021 по 2025 год.

Согласно графику на рис. 3 в 2024 году зафиксировано большое количество пересечений ВВС НОАК зоны активности ПВО Тайваня, которое к концу года составило более 3075 случаев. Это на 81 % больше, чем в 2023 году. Активизация военной активности в Тайваньском проливе совпадает с инаугурацией нового президента Тайваня Лай Цинда, который, по мнению китайских властей, является сторонником независимости острова. По мнению А.В. Ломонова, тенденция демонстрирует связь внутренних политических сдвигов в Тайбэе и реакцией Пекина (Ломанов, 2022: 161). Отход ДПП от «консенсуса 1992 года» создает опасность развития сепаратизма, что побуждает Китай использовать более жесткие методы предупреждения.

Рис. 3. Отчет о деятельности Народно-освободительной армии Китая в морском и воздушном пространстве вокруг Тайваньского пролива с 2021 по 2025 год¹⁵

Кроме того, за последние годы КНР значительно нарастила военное производство. Военный бюджет в 2024 году увеличился на 7,2 % по сравнению с предыдущим годом и составил 1,784 трлн юаней¹⁶. Если сравнивать с 2013 годом, то военный бюджет Китая увеличился более чем в два раза¹⁷. Китай активно развивает военно-морской флот, постепенно вводя в строй крупные десантные корабли Type 075 и авианосцы Type 003 Fujian¹⁸. Развитие флота усиливает принятую Китаем стратегию A2/AD¹⁹, направленную против вмешательства третьих сил в регион, в случае начала конфликта вокруг Тайваня. На фоне наращивания китайского военного потенциала Тайвань при поддержке США развивает комплексные контрмеры. Правительство Китайской Республики утвердило на 2025 год рекордный оборонный бюджет в размере 20,2 млрд долларов США, или 2,45 % ВВП, что для мирного времени является очень высоким показателем.

¹⁴ Asia-Pacific Regional Security Assessment 2024. Ch. 1. The United States and the Indo-Pacific. International Institute for Strategic Studies [online]. Available at: https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/asia-pacific-regional-security-assessment-2024/chapter-1/?utm_source (Accessed: 03 June 2025).

¹⁵ China Escalates Cross-Strait Military Activity under Taiwan President William Lai (2024) [online]. Available at: <https://www.csis.org/analysis/china-escalates-cross-strait-military-activity-under-taiwan-president-william-lai> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁶ China to increase defense budget by 7.2 percent in 2025, Xinhua (2025) [online]. Available at: <https://www.xinhuanet.com/english/20250305/4e754276fa3d4cc1ac903dc6795030d/c.html> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁷ Reuters. China maintains defence spending increase at 7.2 % amid roiling geopolitical tensions (2025) [online]. Available at: <https://www.reuters.com/world/china/china-maintains-defence-spending-increase-72-2025-03-05/> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁸ China's Naval Modernization and Amphibious Operations Capabilities. ChinaPower Project, Center for Strategic and International Studies (CSIS) [online]. Available at: <https://chinapower.csis.org/analysis/china-naval-modernization-jiangnan-hudong-zhonghua-shipyard/> (Accessed: 23 April 2025).

¹⁹ A2 – Anti-access (противодействие доступу), AD – Area Denial (блокирование возможности действий в регионе)

График на рис. 4 демонстрирует поступательный рост военного бюджета как в КНР, так и в Китайской Республике. Уровень расходов на вооружение у обеих сторон не сопоставим. Пекин, обладая хорошей экономической и ресурсной базой, способен почти в 15 раз тратить больше на вооружение, чем Тайбэй. При этом необходимо отметить, что официальные данные КНР могут не в полной мере отражать фактические траты. По оценкам ряда западных исследователей, реальные расходы могут превышать официальные на 20–40 %²⁰.

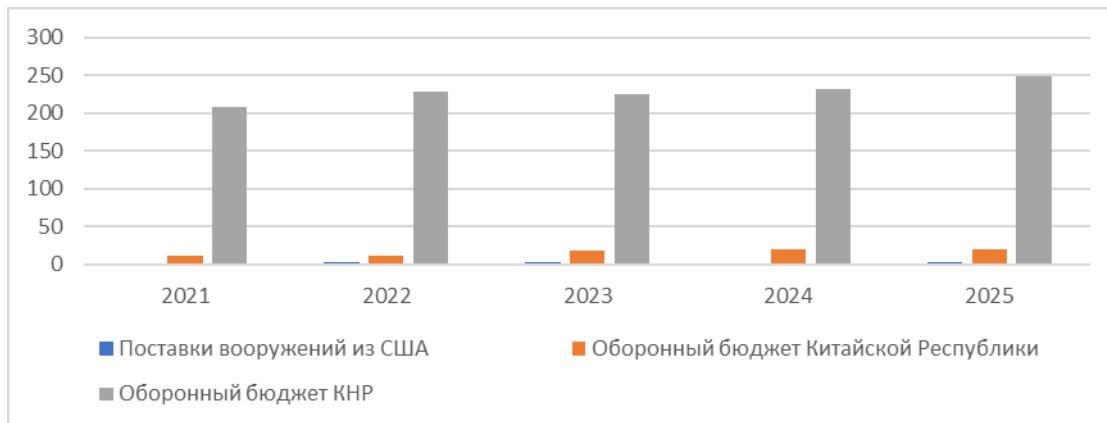

Рис. 4. Соотношение военных бюджетов КНР и КР, а также объем поставок вооружений США

В графике (см. рис. 4) также указаны объемы поставок вооружений США. Согласно данным за последние 5 лет (2021–2024), объем продаж оружия со стороны США составил около 8,71 млрд долларов, что составляет 8,9 % от общего оборонного бюджета Тайваня за этот период. Основная доля военного бюджета КР расходуется на собственные проекты: модернизацию флота, проектирование собственных систем ПВО, строительство дизельных подводных лодок, развитие тайваньского ракетостроения.

В дополнение к традиционным направлениям на Тайване ведутся работы по строительству искусственных рифов, подземных военных баз и заводов (преимущественно на восточном побережье острова), развитию мобильных вооружений и беспилотников. Активно ведется подготовка населения с помощью увеличения срока службы до 1 года в 2024 году.

Взаимодействие Тайваня и США можно объяснить теорией устрашения. США используют политику стратегической неопределенности, наращивают присутствие американских войск в регионе, проводят совместные учения с Кореей и Японией и поставляют вооружение на Тайвань. Экономические меры также являются частью стратегии. В случае войны США могут ограничить доступ КНР к некоторым торговым маршрутам, а также заморозить зарубежные активы КНР. Все эти действия направлены на то, чтобы заставить Пекин тщательно взвешивать последствия силового решения тайваньского вопроса.

Заключение

Анализ эндогенных и экзогенных факторов тайваньской проблемы показывает, что ситуация в Тайваньском проливе соответствует классической модели спирали конфликта, когда действия одной стороны вызывают ответные меры с другой стороны: рост сторонников независимости на Тайване воспринимается Пекином как отход от «консенсуса 1992 года», что ведет к усилению политического, экономического и военного давления на остров. В то же время политика Пекина в отношении острова в тайваньских СМИ преподносится как форма принуждения и агрессии, что, напротив, способствует сплочению общества вокруг политического курса ДПП. Впоследствии это выражается в наращивании оборонного бюджета и укреплении связей с США. Важным фактором является и политика ДПП по декитаизации, которая разрушает основу двустороннего диалога и усиливает недоверие между сторонами.

Экзогенные факторы играют не меньшую роль в развитии динамики вокруг Тайваня. Ситуация в тайваньском проливе с 2016 года изменилась не в лучшую сторону. На фоне ухудшающихся отношений

²⁰ Estimating China's Defense Spending: How to Get It Wrong and Right (2024) [online], *Texas National Security Review*. Available at: <https://tnsr.org/2024/06/estimating-chinas-defense-spending-how-to-get-it-wrong-and-right/> (Accessed: 28 April 2025).

между КНР и США Индо-Тихоокеанский регион становится ареной стратегической конкуренции. Эти процессы происходят на фоне укрепления Китая. Вашингтон пытается сохранить свое военно-политическое присутствие в регионе, создавая альянсы (АУКУС, ЧДПБ), проводя масштабные военные учения в регионе. Китай отвечает маневрами вблизи Тайваня и увеличением оборонного бюджета. Пекин также усиливает дипломатическое давление, направленное против изменения статус-кво, и активно действует инструменты «мягкой» силы для укрепления связей как с Тайванем, так и со странами Юго-Восточной Азии. Все эти действия формируют тенденцию, где каждый шаг одной стороны отражается в действиях другой, усложняя поиск мирного решения тайваньского вопроса.

Список литературы / References

- Дикарев А. Д., Лукин А. В. (2021) ‘Тайваньская нация’: от мифа к реальности?’, *Сравнительная политика*, 1, сс. 119–133. [Dikarev, A. D., Lukin, A. V. (2021) ‘Taiwanese Nation’: From Myth to Reality?’ [‘Tajvanskaya natsiya’: ot mifa k real’nosti?], *Sravnitel’naya politika*, (1), pp. 119–133. (In Russ.)].
- Каимова, А. С., Денисов, И. Е. (2022) ‘Статус Тайваня и эволюция тайваньской идентичности’, *Сравнительная политика*, 1, сс. 116–137. [Kaimova, A. S., Denisov, I. E. (2022) ‘The Status of Taiwan and the Evolution of Taiwanese Identity’ [Status Tajvanya i evolyutsiya tajvanskoj identichnosti], *Sravnitel’naya politika*, (1–2), pp. 116–137. (In Russ.)].
- Кашин, О. В. (2022) *Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г: причины и перспективы развития*. ИМЭМО РАН [Kashin, O. V. (2022) *Escalation of the military-political situation around Taiwan in 2022: causes and development prospects* [Obostrenie voeno-politicheskoi situatsii vokrug Tayvanya v 2022 g.: prichiny i perspektivy razvitiya], IMEMO RAN. (In Russ.)].
- Кашин, В. (2023) ‘Какой будет война за Тайвань, и как она повлияет на весь мир’, [электронный ресурс], *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-ona-povliyaet-na-ves-mir/> (Дата обращения: 30.09.2025). [Kashin, V. (2023) ‘What Will the War for Taiwan Look Like, and How Will It Affect the World?’ [Kakoy budet voyna za Tajvan’, i kak ona povliyaet na ves’ mir], *Russian International Affairs Council (RIAC)* Available at: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments/comments/kakoy-budet-voyna-za-tayvan-i-kak-ona-povliyaet-na-ves-mir/> (Accessed: 30 September 2025). (In Russ.)].
- Кашин, В., Тимофеев, И. (2021) ‘Американо-китайские отношения: к новой холодной войне?’, *Российский совет по международным делам* [Kashin, V., Timofeev, I. (2021) ‘US–China Relations: Toward a New Cold War?’ [Amerikano-kitajskie otnosheniya: k novoj kholodnoj vojne?], *Russian International Affairs Council (RIAC)* (In Russ.)].
- Кулешова, Н., Чжан, Ч. (2022) ‘Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем в контексте новой геополитической ситуации’, *Научно-аналитический журнал Обозреватель*, сс. 5–28. [Kuleshova, N., Zhang, Ch. (2022) ‘The coercive path of Taiwan’s unification with mainland China in the context of the new geopolitical situation’ [Silovoi put’ obedineniya Tayvanya s materikovym Kitayem v kontekste novoi geopoliticheskoi situatsii], *Obezrevatel’*, pp. 5–28. (In Russ.)].
- Лексютина, Я. В. (2022) ‘Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем’, *Journal of International Analytics*, 13(4), сс. 76–93. [Leksiutina, Y. V. (2022) ‘The Strategy and Tactics of Taiwan’s Foreign Policy amid Rising Tensions with China’ [Strategiya i taktika vneshej politiki Tajvanya v usloviyakh obostreniya napryazhennosti s Kitaem], *Journal of International Analytics*, 13(4), pp. 76–93. (In Russ.)].
- Ломанов, А. (2022) ‘От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня’, *Пути к миру и безопасности*, 2(63), сс. 150–174. [Lomanov, A. (2022) ‘From Reunification to National Rejuvenation: The Modern Chinese View on the Taiwan Issue’ [Ot vosoedineniya k natsional’nomu vozrozhdeniyu: sovremenennyj kitajskij vzglyad na problemu Tajvanya], *Puti k miru i bezopasnosti*, 2(63), pp. 150–174. (In Russ.)].
- Понамарева, А Роберт Джервис. (2023) ‘Восприятие и невереное восприятие в

международной политике. Размышления о прочитанном', *Полит. наука*, 2, сс. 349–357. [Ponomareva, A., Jervis, R. (2023) 'Perception and misperception in international politics: reflections on the reading' [Vospriyatiye i nevernoe vospriyatiye v mezhdunarodnoi politike: razmyshleniya o prochitannom], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 349–357. (In Russ.)]. Цветков, И. А. (2021) 'Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань?', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, (4), сс. 393–407. [Tsvetkov, I. A. (2021) 'The Problem of US International Commitments after the Withdrawal from Afghanistan: Is America Ready to Defend Taiwan?' [Problema mezhdunarodnykh obyazatel'stv SShA posle ukhoda iz Afganistana: gotova li Amerika zashchishchat' Tajvan?], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

Статья поступила в редакцию: 21.07.2025

Статья принята к печати: 30.10.2025

THE TAIWAN ISSUE WITHIN THE LOGIC OF THE CONFLICT SPIRAL: INTERNAL AND EXTERNAL FACTORS OF ESCALATION

M. Rykhtik, N. Panko

Mikhail Rykhtik, Doctor of Sciences (in Politics), Professor,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
Director,
IMOMI, Lobachevski University of Nizhniy Novgorod,
E-mail: Rykhtik_mi@pfur.ru (ORCID: 0000-0003-2325-1235).

Nikita Klavdievich Panko, PhD Student, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
E-mail: nik.panko.1999@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4108-8446).

Abstract

The Taiwan issue remains a key destabilizing factor in East Asia. The rise of the PRC is closely linked to the CCP's plan for the great rejuvenation of the Chinese nation. The 2022 White Paper emphasized Xi Jinping's thesis that this rejuvenation cannot be achieved without reunification with Taiwan. Beijing is therefore increasingly alarmed by Taipei's departure from the "One China" policy. Since 2016, the Democratic Progressive Party has pursued de-Sinicization and strengthened ties with the United States. At the same time, regional dynamics show that the status quo established among the United States, the PRC, and the Republic of China in the 1980s is losing relevance. Washington has expanded arms sales and military exercises with Taiwan, while Beijing has responded by intensifying political, economic, and military measures. This interaction produces a conflict spiral, reflecting the interplay of Taiwan's domestic transformations and external pressures. The aim of this study is to examine how internal and external factors jointly shape this conflict spiral, which keeps the Taiwan issue at the center of regional security. Using quantitative and comparative methods, the findings suggest that the root of cross-Strait tensions lies in the complex interconnection of domestic identity shifts on the island and international competition.

Keywords: PRC; Taiwan; Republic of China; USA; Xi Jinping; Donald Trump; unipolar world; multipolar world; Chinese Dream; security.

universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya, (4), pp. 393–407. (In Russ.)].

Schubert G. (2024) *The Chinese Communist Party's Unfulfilled 'Taiwan Dream'. The Chinese Communist Party: A 100-Year Trajectory*. Canberra: ANU Press. 429–454 p.

Liu, T. (2024) 'T. Xi Jinping's Taiwan Policy: Soft Gets Softer, Hard Gets Harder', in Ashley Esarey (ed.) *The Xi Jinping Effect*. Rongbin Han. Seattle: University of Washington Press, 22 p.

肖振南,沈晓敏 '台湾地区青年“国家认同”危机与社会教科书国家观念变迁' 广州社会主义学院 (2020), 2, pp. 43–51. Сяо Чжэньнань, Шэнь Сяомин (2019) 'Кризис национальной идентичности' молодежи Тайваня и трансформация представлений о государстве в школьных учебниках', *Гуанчжоуский институт социализма*, 2, сс. 43–51. (In Chinese).]